

5-й Восточно-Сибирскій стрѣлковый полкъ на Кинджоу и въ Артурѣ.

(Продолженіе ¹⁾).

Вано утромъ 18 іюля я узналъ, что наши войска съ Волчьихъ горъ быстро отступили въ крѣпость, безъ всякаго сопротивленія напріятелю. Эта новость подѣйствовала на насъ довольно непріятно. Теперь мы должны войти въ непосредственное соприкосновеніе съ противникомъ.

Пришлось отрядомъ капитана С. занять гребень Панлуньшаня отъ Трехголовой и до редутовъ 26 полка, противъ форта № 4; такъ какъ для обороны этого пространства отряда оказалось недостаточно, то я выдвинулъ туда же наши 11 и 12 роты съ охотниками изъ нашей нестроевой роты подъ начальствомъ фельдфебеля этой роты Ващенко. Тамъ же поставилъ я 4 маленькихъ морскихъ пушки мичмана Дудкина. И полкъ расположился слѣдующимъ образомъ: на Высокой горѣ 2 и 4 роты, на Угловой горѣ 9 и 3 роты, на Бочковой горѣ 2 охотничья команда и передовая 3 охотничья команда, на Панлуньшанѣ отрядъ капитана С. и наши 11 и 12 роты и нестроевая команда съ 4 пушками Дудкина. На Дивизионной горѣ двѣ скорострѣльныхъ батареи полковниковъ Петрова и Романовскаго (пришедшія изъ Кіева) и наши 5, 6 и 7 роты; остальные роты я оставилъ въ резервѣ.

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» г. № 3.

Но этихъ войскъ, для занятія такого пространства, было очень недостаточно (длина всей линіи больше 6 вер.).

Возвращаюсь къ отступленію нашихъ съ Волчьихъ горъ.

Горы эти, а также позиція близъ 11 версты, точно также какъ и гора Дагушанъ составляли одну позицію, нами очень слабо укрѣпленную. Укрѣпленія Волчьихъ горъ мнѣ были хорошо извѣстны, кромѣ ихъ праваго фланга. Съ укрѣпленіями этой части позиціи, примыкающей къ 11-й верстѣ, гдѣ, какъ извѣстно былъ штабъ 4-й дивизіи, я успѣлъ ознакомиться, во время боевъ на передовыхъ позиціяхъ.

Эти укрѣпленія состояли изъ глубокихъ траншей, почти безъ бруствера, расположенныхъ у самой подошвы позади ихъ лежащихъ горъ по системѣ генерала Фока. Впереди, примыкая непосредственно къ окопамъ, находились заросли высокаго гаоляна, закрывающія совершенно всякій обзоръ мѣстности изъ окоповъ. Какъ сами окопы, такъ и ихъ расположеніе являли собой примѣръ безтолковѣйшаго примѣненія разумнаго, самаго по себѣ, принципа: чѣмъ настильнѣе идетъ пуля (выстрѣлъ), тѣмъ лучше. По части примѣненія этого принципа, у созидающаго оборону праваго фланга Волчьихъ горъ, не было никакого чувства мѣры.

Забываясь только о настильности выстрѣла, онъ совершенно забылъ о томъ, что низко летящей пулѣ всякій ничтожный пригорокъ, въ 2—3 фута вышины, представляетъ уже непроницаемую преграду. Онъ совершенно позабылъ о томъ, что скать горъ самъ по себѣ можетъ представлять для атакующаго трудно одолимое препятствіе; позабылъ и о томъ, что изъ окоповъ подъ горой отступать придется на гору, иногда и очень крутую, какъ это было на Волчьихъ горахъ.

Такъ вотъ окопы на правомъ флангѣ Волчьихъ горъ поставили у подошвы ихъ сѣверныхъ скатовъ. Впереди ихъ росъ 1½ саженой величины гаолянъ. Занимающіе эту позицію полки и помѣстились въ этихъ укрѣпленіяхъ. По разсказу одного изъ офицеровъ 13-го полка, дѣло было такъ: отступивши съ Шипинзинскаго перевала, полкъ занялъ окопы на Волчьихъ горахъ и началъ вырубать гаолянъ, но больше 50 шаговъ передъ окопами вырубить не могъ.

Поужинали и ночь провели сравнительно спокойно.

Очень рано утромъ, зашумѣлъ гаолянъ и не успѣли стрѣлки схватить винтовки, какъ японцы были уже въ 20 шагахъ отъ окоповъ и наши стрѣлки, вытянутые въ длинныя цѣпи, не

выдержали натиска колоннами и бросились на горы, а оттуда и дальше; на вершинѣ горъ не было никакихъ укрѣпленій. Остальные полки, видя отступленіе центра и непріятеля, занявшаго его траншеи, поражаемые во флангъ, сами начали отступать. Спасибо, артилерія выручила, не пустила японцевъ далеко и остановила за занятыми ими горами. Въ нашихъ рукахъ остались только Дагушань и Сяогушань.

Другой офицеръ того-же 13-го полка рассказываетъ объ этомъ боѣ слѣдующее:

16-го іюля 1904 года. Послѣ боевъ за Зеленяя горы, наши должны были занять другія позиціи, лѣвый флангъ которыхъ составляли Волчьи горы. Участокъ ихъ отъ большой мандаринской дороги и до 11-й версты желѣзной дороги занялъ 13-й полкъ. Въ первой линіи были поставлены: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 8 роты, а 9, 11 и 12 стали въ резервъ. 10-я рота прикрывала артилерію. За 13-мъ полкомъ былъ въ главномъ резервъ весь 14-й полкъ.

Занятая нами позиція была укрѣплена по системѣ генерала Фока, т. е. укрѣпленія были спущены къ самымъ подошвамъ возвышенностей, поэтому обстрѣлъ изъ нихъ былъ очень плохой, и японцы могли прятаться отъ выстрѣловъ за всякую кочку; да на бѣду передъ самыми окопами былъ гаолянъ такихъ размѣровъ, что совершенно закрывалъ отъ сидѣвшихъ въ окопахъ стрѣлковъ буквально все впереди лежащее пространство. Какъ ни старались люди уничтожить этотъ вредоносный знакъ, но очистили отъ него пространство не больше какъ на 50 шаговъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ значительно меньше.

Командиръ полка, полковникъ князь Мачабели, счелъ свой резервъ слишкомъ слабымъ и хотѣлъ усилить его еще одной ротой. Съ этой цѣлью онъ послалъ приказаніе на боевую линію буквально такого содержанія: «снять съ позицію какую-нибудь роту и прислать ее въ резервъ».

Приказаніе получилось штабсъ-капитаномъ Р. Около него были капитанъ Г. командиръ 1-го баталіона и командиръ 3-й роты поручикъ Л. Штабсъ-капитанъ Р. рѣшилъ, что ему нужно идти въ резервъ; но къ такому же рѣшенію пришелъ и поручикъ Л., и оба они съ ротами ушли въ резервъ. Къ какому рѣшенію пришелъ капитанъ Г., никому не извѣстно. Но онъ тоже куда то убрался. Японцы замѣтили удаленіе ротъ и при общей атакѣ, безъ выстрѣла, ринулись въ пустой промежутокъ. Высокій гаолянъ далъ имъ возможность подойти вплотную къ нашимъ окопамъ. Овладевъши пу-

стой частью ихъ, они зашли во флангъ и даже тылъ остальнымъ ротамъ и открыли по нимъ убійственный огонь. 4-я рота быстро очистила свою позицію, но 1-я и 5-я роты долго удерживались. Потерявши-же 1-я—101 чел. и 5-я—105 чел., начали также отступать, а за ними всё остальные полѣзли въ гору, страшно разстрѣливаемые занявшими окопы японцами. Никакихъ укрѣпленій на высотахъ не было, и люди, переваливши ихъ, пошли въ городъ. За всёхъ поплатился полковникъ Мачабели, который былъ отрѣшенъ отъ командованія полкомъ.

Впослѣдствіи этотъ отважный штабъ-офицеръ былъ убитъ на Панлуньшанскомъ редутѣ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: японцы атаковали редутъ и взяли его передніе фасы; наши засѣли на заднихъ. Полковникъ Мачабели собралъ отступившихъ, воодушевилъ ихъ пламенной рѣчью и, бросившись впередъ, увлекъ за собой. Во мгновеніе ока японцы были выбиты изъ редута.

Совершивши этотъ подвигъ, полковникъ Мачабели отошелъ къ тыльному фасу и только что сѣлъ, чтобы отдохнуть, какъ прибѣжавшій стрѣлокъ доложилъ ему, что японцы опять взяли передніе фасы.

Полковникъ Мачабели опять собралъ около себя своихъ стрѣлковъ и опять бросился на японцевъ, но на этотъ разъ ему не повезло, японская пуля сразила его въ тотъ моментъ, когда онъ перескакивалъ внутренній ровъ редута. Люди дрогнули и совершенно очистили все укрѣпленіе, которое такъ и осталось съ тѣхъ поръ вмѣстѣ съ тѣломъ героя полковника въ рукахъ японцевъ.

Взявши Волчьи горы, японцы успокоились и занялись рекогносцировками. А мы усиливали наши позиціи, устраивали кухни и проводили ходы сообщенія къ укрѣпленіямъ.

Роты стояли биваками въ закрытыхъ отъ взоровъ непріятеля мѣстахъ. Счастье, что прошло нѣсколько дождей, и наши ручьи давали намъ воду въ изобиліи. Солдаты тотчасъ сдѣлали, вблизи своихъ биваковъ, запруды и не только мыли бѣлье, но даже сами въ нихъ купались.

Хуже всёхъ было нашимъ охотничьимъ командамъ; онѣ были сильно впереди, и воды у нихъ не было.

Очень замедлялъ наши работы чисто скалистый грунтъ и большой недостатокъ инструмента, особенно кирокъ, хорошихъ топоровъ и долотъ; ихъ нужно было очень много.

Лѣсу въ городѣ было совершенно достаточно, но и на позицію нужно было его грандіозное количество.

Нужно было позаботиться и о томъ, чтобы на зиму поставить для всякой роты землянку на $\frac{1}{2}$ ея состава, кухни и бани для баталіоновъ и помѣщенія для офицеровъ. Лѣсъ возили неустанно на нашихъ обозныхъ лошадяхъ на всѣ пункты нашихъ позицій и еле могли удовлетворять потребности ротъ въ матеріалѣ.

Мы работали уже достаточное количество времени, а окопы наши были очень далеки до совершенства. Работали и день и ночь, раздѣливши людей на три очереди.

Кромѣ большого количества работъ, наше положеніе затруднялось усиленной охранной службой.

Укрѣплений, обезпеченныхъ отъ атаки открытой силой, на Угловыхъ горахъ совершенно не было, и внезапная ночная атака всегда могла быть удачной, поэтому людямъ мало приходилось спать. Этихъ ночныхъ атакъ я очень боялся и потому рѣшилъ наши окопы усилить редутами. Но инструменту и времени было такъ мало, а работъ такое громадное количество, что справиться со всѣмъ не было никакой возможности. А непріятель былъ на носу и каждую минуту могъ насъ атаковать. Его нужно было зорко стеречь, тѣмъ болѣе, что сплошной крѣпостной оградой у насъ не было, и ничтожный успѣхъ ночной атаки могъ кончиться проникновеніемъ непрія-теля въ новый городъ, а можетъ быть и дальше. Эта мысль мнѣ не давала покоя.

Во все время осады $\frac{1}{3}$ часть полка по ночамъ всегда бодрствовала.

Не то было бы, если бы мы имѣли сплошную ограду или по крайней мѣрѣ вдвое большее количество хорошихъ фортовъ, чѣмъ ихъ имѣли. Этого нравственнаго и физическаго изнуренія не было бы, и цынга не помѣшала бы оборонѣ Артура.

За время нашего пребыванія въ Артурѣ, несмотря на прямое назначеніе наше укрѣплять Угловыя горы, работать на этихъ позиціяхъ намъ приходилось мало; насъ таскали ежеминутно то въ резервъ частямъ, стоящимъ у Инчензы, то на крайній правый флангъ, и въ центръ къ перевалу. Только съ момента нашего поз-наго отступленія въ Артуръ, мы начали серьезно и всѣми силами работать надъ укрѣпленіемъ. Но и тутъ недостатокъ инструмента страшно задерживалъ нашу работу. Счастіе, что непріятель насъ не беспокоилъ, обративши все свое вниманіе на нашъ правый флангъ и центръ.

25-го іюля въ городъ прилетѣла первая непріятельская бомба.

27-го іюля японцы взяли горы Дагушань и Сяогушань. Масса ихъ штурмовъ на эти горы была отбита занимающими ихъ войсками, которыя дрались день и ночь подрядъ нѣсколько сутокъ. Но силы человѣческія имѣютъ предѣлъ. На третью ночь обороны японцы взяли горы у спящихъ людей. Это рассказывали участники этихъ боевъ.

Послѣ взятія Дагушаня, мы стали замѣчать (изъ организованныхъ наблюдательныхъ пунктовъ) скопленіе японцевъ у бухты Луиза. Для лучшаго наблюденія за непріателемъ, мнѣ было приказано занять гору Сиротку взводомъ съ офицеромъ. На этой горѣ была сдѣлана кольцевая траншея (кто дѣлалъ, я не знаю), но гаолянъ окружалъ гору со всѣхъ сторонъ, и оборона ея этимъ обстоятельствомъ была страшно затруднена, такъ какъ по гаолянѣ можно было подойти къ ней вплотную. Кромѣ того Сиротка была ближе къ непріателю, чѣмъ къ намъ, да и стояла-то она передъ участкомъ полковника Семенова, а не передъ моимъ. Скрѣпя сердце, послалъ туда взводъ съ прапорщикомъ Шишкинымъ. Этотъ взводъ свободно могъ быть отрѣзанъ отъ насъ и избитъ; поэтому по ночамъ приказалъ, для его безопасности, выставлять позади Сиротки большую заставу. Со времени занятія этой горы начались ночныя перепалки съ японцами.

Непріатель началъ сильно тѣснить насъ въ крѣпость. Наконецъ, около 28-го іюля японцы ночнымъ нападеніемъ взяли у насъ Сиротку, но днемъ бросили, и мы опять тамъ водворились, хотя продержались только одинъ день; ночью японцы опять взяли гору и прочно на ней укрѣпились.

Какъ бы хотѣлось намъ видѣть нашъ флотъ крейсирующимъ на флангахъ линіи обложенія непріателя, но увы, онъ не осмѣливался выйти изъ бухты. Непріатель имѣлъ подавляющее превосходство и въ числѣ судовъ, и въ ихъ качествахъ.

Теперь мы каждоедневно имѣемъ удовольствіе созерцать пять громадныхъ японскихъ броненосцевъ, величественно стоящихъ на горизонтѣ моря, передъ Артуромъ.

Пять этихъ великановъ способны расчесать въ щепы весь нашъ флотъ.

29-го, 30-го и 31-го іюля мы ясно видѣли движеніе непріателя къ нашему лѣвому флангу. Двигались обозы и войска. Все это они дѣлали очень искусно, укрываясь неровностями мѣстности.

сти. Но все-таки иногда имъ приходилось показывать себя нашимъ наблюдателямъ на горахъ, а ночью секретамъ нашихъ далеко выдвинутыхъ сторожевыхъ цѣпей ясно слышалось движеніе войскъ и обозовъ.

Становилось очевиднымъ, что непріятель принимается за Угловыя горы, поэтому мы были усилены двумя ротами молодыхъ моряковъ, подъ командою двухъ стрѣлковыхъ офицеровъ пор. Афанасьева и Сѣдельницкаго.

Для уничтоженія возможности прорыва между Боковой и Трехголовой горами, по дорогѣ изъ д. Ходзятунь въ д. Хуинь, морями, по моему указанію, была насыпана траншея, соединившая Боковую гору съ укрѣпленіями Трехголовой.

Въ резервъ боевой линіи намъ прислали двѣ роты 14-го запаснаго баталіона. Начальникомъ боевой линіи былъ мною назначенъ капитанъ 2-го ранга Ивановъ 3-й. Резервъ былъ поставленъ у бивака штаба 5-го полка за Дивизионной горой.

Въ виду того, что передовая гора сильно выдвигалась впередъ и была нами занята только какъ наблюдательный пунктъ нашей 2-й охотничьей командой, эта команда, въ случаѣ сильнаго напора непріятеля и обхода своихъ фланговъ, должна была отойти на Трехголовую, гдѣ для нея было приготовлено мѣсто.

Я очень боялся, что японцы, пользуясь превосходствомъ въ силахъ, предпримутъ ночную атаку и легко возьмутъ слабые окопы, тѣмъ болѣе, что искусственныхъ препятствій у насъ почти не было (не успѣли сдѣлать). Только окопы Боковой и Трехголовой горъ съ наружныхъ фланговъ намъ удалось усилить проволочной сѣтью.

Для освѣщенія мѣстности ночью были получены свѣтящіяся ракеты, и батареи для нихъ были устроены за Дивизионной, Высокой и Угловой горами.

Какъ я предполагалъ, такъ и вышло. Ночью уже поздно, съ 31-го іюля на 1-е августа, не помню, въ которомъ часу, конный охотникъ привезъ мнѣ извѣстіе, что непріятель большими массами идетъ по дорогѣ на Трехголовую гору; черезъ нѣсколько минутъ я услышалъ сильную перестрѣлку на предгорьяхъ.

Моментально всталъ и съ моими охотниками и ординарцами поѣхалъ на Дивизионную гору, къ резерву. Всѣ проснулись и заняли свои мѣста.

Пришло донесеніе, что всѣ наши конныя охотничьи команды оттѣснены за Угловую гору и остановились по линіи отъ Угловой къ Голубиной бухтѣ цѣпью постовъ.

Ожесточенная перестрѣлка разрасталась и заняла все предгорье.

Зашипѣли свѣтящіяся ракеты и огненными змѣями, взвившись высоко къ небу, чудными огнями озарили всю мѣстность. Прискакалъ другой охотникъ отъ начальника 1-й охотничьей команды съ донесеніемъ, что 3-я команда очистила передовую гору и присоединилась къ нему, что, благодаря свѣтящимся ракетамъ, отбили японцевъ, наткнувшихся на наши сѣтки, у праваго фланга Трехголовой. Уронъ у непріятели громадный.

Не медля послалъ донесеніе о случившемся полковнику Ирману, но онъ и самъ пріѣхалъ на Дивизионную гору.

Началъ накрапывать дождь и вымочилъ насъ до костей. Съ разсвѣтомъ перестрѣлка нѣсколько ослабѣла, но за то началась артилерійская канонада, отъ которой наши роты сильно страдали.

Весь день длилась перестрѣлка и гремѣла канонада съ обѣихъ сторонъ. Непріятель обстрѣливалъ артилерійскимъ огнемъ и нашу Угловую гору, и Дивизионную. Наша артилерія стрѣляла по площадямъ, такъ какъ непріятель себя нигдѣ не подставлялъ.

Терпя сильную убыль отъ нашего ружейнаго огня, японцы были очень осторожны и общаго штурма не предпринимали. Японская колонна, обходившая нашъ лѣвый флангъ, попробовала было атаковать Боковую гору, но, наткнувшись на проволочную сѣть, была почти вся уничтожена 2-й охотничьей командой и высланными съ Угловой двумя взводами 2-й роты.

У насъ страшная убыль отъ непріятельскаго артилерійскаго огня.

Такъ прошелъ весь день 1-е августа. Наши двѣ батареи полковниковъ Петрова и Романовскаго, расположенныя на Дивизионной горѣ, тщетно искали цѣли, но непріятель прятался замѣчательно искусно.

Ночь съ 1-го на 2-е августа была безпокойная; все время трещала перестрѣлка. Непріятель атаковалъ наши окопы, но, понесъ страшныя потери, отступилъ. Чтобы быть на-готовѣ отбить ночной штурмъ, нужно было перевести резервъ ближе къ передовой линіи. Зная отлично мѣстность, мы съ полковникомъ Ирманомъ, часовъ въ 10 ночи, повели двѣ роты къ Трехголовой горѣ. Шла довольно оживленная перестрѣлка.

Увѣренню идемъ впередъ, но темнота не позволяетъ видѣть дорогу. Ориентируемся по знакомымъ высотамъ, но знакомыя высоты совсѣмъ измѣнили свой видъ и теперь были не похожи на тѣ, ко-

торыя мы отлично знали, а рѣзкіе звуки выстрѣловъ теперь раздаются уже со всѣхъ сторонъ, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ дальше мы идемъ.

Вотъ ужъ кажется должны были бы придти къ Трехголовой, но ее все нѣтъ. Выстрѣлы теперь трещатъ не только спереди и съ боковъ, но слышны и далеко въ тылу. Положеніе становилось не-пріятнымъ. «Ужъ не вышли-ли мы за наши цѣпи», обращаюсь съ этимъ вопросомъ къ полковнику Ирману. Тотъ отвѣчаетъ, что никакъ не можетъ узнать мѣсто. Тогда я предлагаю остановиться и послать развѣдчиковъ.

Вотъ если теперь наши примутъ насъ за японцевъ, да встрѣтятъ залпами!!! Непрiятно. Остановились, присматриваемся—незнакомое мѣсто; перестрѣлка трещитъ всюду; вотъ глупѣйшее положеніе. «Вернемся назадъ, Владимiръ Николаевичъ, найдемъ какую-нибудь знакомую точку и какъ-нибудь распутаемся».

Полковникъ Ирманъ согласился, и мы повернули вспять. Много прошло времени, пока мы различили силуэтъ Длинной горы и вздохнули свободно.

Рѣшили остановить резервъ за отлогостью Угловой. Люди, не составляя ружей, легли на пашнѣ. Тутъ намъ подвезло. Къ намъ подошелъ капитанъ 2-го ранга Ивановъ, назначенный мною начальникомъ атакованныхъ горъ; мы дали ему резервъ, а сами направились на Дивизионную гору, чтобы хоть немного еоснуть.

А люди въ траншеяхъ не спятъ уже вторыя сутки. Всю эту ночь трещала ружейная перестрѣлка. Я съ офицерами зашелъ въ траншею 6-й роты и немного заснулъ.

Только что начало свѣтать, ко мнѣ посыпались донесенія съ атакованныхъ горъ. Изъ нихъ было видно, что японцы всю ночь пытались атаковать; подходили близко къ сѣткамъ, но всегда терпѣли неудачи и скрывались во мракѣ ночи. Свѣтящіяся ракеты со-служили намъ большую службу.

Еще не успѣло хорошо разсвѣтать, какъ послышалась артилерійская канонада непріятеля. Я вышелъ изъ землянки командира 6-й роты и сталъ наблюдать черезъ брустверь. Всѣ три нашихъ горы курились дымомъ отъ непріятельскихъ гранатъ и шрапнелей, какъ вулканы. Отъ шрапнелей люди были укрыты достаточно, но гранаты, начиненныя порохомъ Шимоза, производили ужасное разрушеніе.

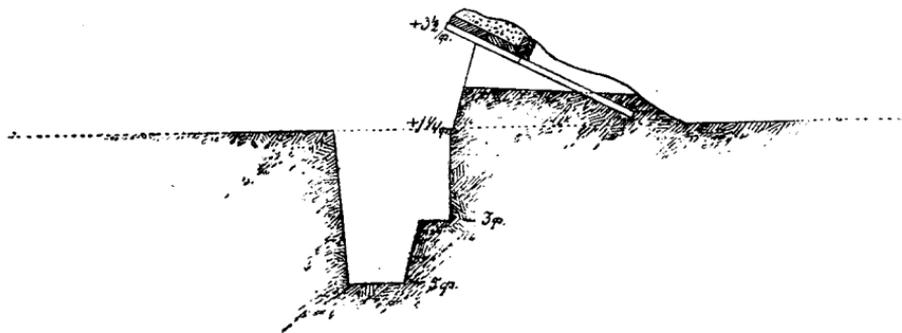
По дорогѣ отъ горъ уже тянулись раненые пѣшкомъ и въ носилкахъ. Видимо непріятель рѣшительно намѣревался сбить насъ

съ передовыхъ горъ и дѣло затѣвалъ серьезное. Послалъ объ этомъ донесеніе.

Съ Трехголовой прислали просить помощи. Послалъ, пока подойдутъ резервы 1-й взводъ 6-й роты изъ траншей. Генераль Кондратенко понялъ, что дѣло не шуточное и уже слалъ къ намъ двѣ роты 2-ю и 3-ю 13-го полка (роты Ротайскаго и Левицкаго).

Трудно намъ держаться на передовыхъ горахъ; онѣ укрѣплялись послѣдними. Глубина окоповъ была нормальна, но усовершенствованія ихъ заставляли желать много лучшаго. Мы успѣли положить противушрапнельные козырьки, но траверсовъ и укрытій резервамъ сдѣлать не успѣли; поэтому люди страшно страдали отъ непріятельскихъ бомбъ, которыхъ японцы не жалѣли.

Профиль окопа

Заштрихованная часть козырька это дюймовыя доски и брусокъ.

Не заштрихованная — это доски, вкопанныя въ мерлоны на 2 шага другъ отъ друга.

Еще не было и 7 час. 2-го августа, какъ со всѣхъ горъ требовали помощи. Не медля послалъ двѣ роты 13-го полка, такъ какъ видѣлъ подходившія къ намъ части другихъ полковъ. Около 8 ч. прибылъ ген. Кондратенко. Доложивши ему о положеніи дѣла, я не могъ не обратить его вниманія на опасное положеніе нашего наблюдательнаго пункта. Пули свистѣли по всѣмъ направленіямъ.

Въ это время батареи полковниковъ Петрова и Романовскаго, занимавшія позицію на Дивизионной горѣ, приготовились открыть стрѣльбу, хотя на успѣхъ рассчитывать было нельзя, такъ какъ непріятельскихъ батарей не было видно, а японская пѣхота вела атаку по такимъ мѣстамъ, что по ней могли дѣйствовать только далекія батареи за форткомъ № 4, и то очень плохо. Поэтому нашимъ стрѣлкамъ приходилось бороться съ японскою пѣхотою подѣ

губительнымъ огнемъ непріятельской артилеріи, не подвергавшейся огню нашихъ орудій.

Положеніе было прямо невыносимое, какъ подь Кинджоу.

Послѣ 11 ч. дня пріѣхалъ полковникъ Ирманъ. Пришли и подкрѣпленія. Непріятельская артилерія въ это время долбила атакованныя горы такъ страшно, что я удивлялся, какъ это люди еще обороняются. А они дѣйствительно не дремали, и намъ было видно, особенно на Боковой горѣ, какъ обороняющіеся по траншеѣ бросались то вправо, то влѣво, какъ двигались къ траншеямъ резервы, стоявшіе на тыльных частяхъ горъ, какъ они опять выбѣгали изъ траншей и прятались подь свои жалкія укрытія, брошенные изъ подручнаго матеріала. Большая часть нашихъ офицеровъ была переранена и команду приняли офицеры другихъ частей, а, судя по громадному количеству раненыхъ 5-го полка, нужно было думать, что людей его въ траншеяхъ почти совсѣмъ не осталось.

Капитанъ II ранга Ивановъ израсходовалъ всѣ свои резервы и просилъ прислать еще. Со всѣхъ горъ пришли записки, извѣщающія, что траншеи совсѣмъ разбиты непріятельскими снарядами и держаться подь артилерійскимъ огнемъ нельзя. Дѣйствительно огонь былъ ужасный, и генералъ Кондратенко склоненъ былъ приказать отступить, но я послалъ еще двѣ роты на лѣвый флангъ атакванной позиціи; изъ нихъ 1-ю роту запаснаго баталіона въ резервъ за лѣвый флангъ, такъ какъ на этотъ флангъ были направлены особенныя усилія непріятеля. Было уже около 12 ч. дня, и мнѣ казалось, что японцы собрали всю свою артилерію, чтобы не только уничтожить людей, но и срыть самыя горы.

А наша артилерія все еще молчала, такъ какъ не могла открыть мѣста расположенія непріятельскихъ батарей. Но двѣ наши батареи, стоящія около насъ, приготовились къ стрѣльбѣ, и всѣ чины стояли уже на своихъ мѣстахъ. Это обстоятельство привлекло вниманіе непріятеля; и онъ началъ посылать въ насъ, кромѣ пуль, и гранаты. Одна изъ нихъ ударила около старшаго офицера капитана Шиллера, разорвалась и разомъ убила и капитана Шиллера, и командира батареи полковника Петрова; перваго на-повалъ въ лѣвую сторону груди большимъ осколкомъ, а втораго осколкомъ въ голову у лѣваго глаза (умеръ на другой день въ госпиталѣ).

Немного раньше этого трагическаго случая нами были замѣчены зловѣщіе признаки скорого отступленія.

Чтобы не быть застигнутыми врасплохъ, я распорядился, чтобы вторыя линіи обороны были готовы для встрѣчи (Угловая, Длинная и Дивизионная горы). Дѣлая эти распоряженія и обходя вдоль нашихъ траншей съ командиромъ 6-й роты кап. Сычевымъ, я замѣтилъ, что ружейный огонь непріятеля направляется специально и на наши траншеи на Дивизионной горѣ. Подтвержденіе этого обстоятельства не заставило себя долго ждать. Слѣдовавшій за мной кап. Сычевъ былъ раненъ въ ногу, довольно, впрочемъ, счастливо; пуля не задѣла кости.

Когда я послѣ обхода подошелъ къ генералу Кондратенко, то увидалъ, что люди съ Трехголовой посыпались, какъ горохъ въ тыльную лощину, а потомъ и съ Боковой. Восклицаніе досады вырвалось у ген. Кондратенко: «Смотрите, вѣдь имъ было легче, чѣмъ на Боковой; чего же они бѣгутъ; ихъ нужно остановить». Стоявшій около ген. Кондратенко полковникъ Ирманъ слова начальника принялъ за приказаніе и полетѣлъ его исполнять, прихвативши съ собой генеральнаго штаба капитана Юлшина.

«А вы, Николай Александровичъ», обратился ко мнѣ ген. Кондратенко, «возьмите роту и ударьте имъ въ лѣвый флангъ, когда они вздумаютъ спуститься съ горы для преслѣдованія нашихъ». Нужная мнѣ рота стояла за нами недалеко, и я быстро могъ начать приводить въ исполненіе намѣченную мнѣ идею. Но не успѣлъ я съ ротой отойти и полверсты, какъ ко мнѣ прискакалъ конный охотникъ и передалъ приказаніе мнѣ лично возвратиться къ генералу Кондратенко, а роту вести подполковнику Науменко, который въ это время былъ около меня. Когда я, возвратясь взошелъ на Дивизионную, моимъ глазамъ представилась картина нашего полнаго отступленія съ передовыхъ горъ. На вершинахъ занимавшихся нами горъ (Боковой и Трехголовой) появились ряды японскихъ стрѣлковъ. Наши отступали не спѣша, отстрѣливаясь и устилая своими трупами проходимое пространство. Вдоль линій отступавшихъ скакали три всадника; это были полковникъ Ирманъ, капитанъ Юлшинъ и командиръ 4-го запаснаго баталіона полковникъ Зубовъ. Но усилія ихъ были тщетны. Люди безостановочно подвигались назадъ.

Когда полковникъ Ирманъ возвратился, то доложилъ, что остановить людей не могъ и его послушались только кучка охотниковъ 5-го полка и 1-я рота запаснаго баталіона съ своимъ командиромъ, поручикомъ Садыковымъ, котораго онъ и просилъ представить къ Георгію. Здѣсь считаю своей обязанностью заявить, что

начальникъ передового участка на предгорьяхъ, капитанъ Пранга Ивановъ во время этого боя велъ себя героемъ. Когда по его приказанію 6-я рота Квантунскаго экипажа не пошла на помощь къ Трехголовой, капитанъ Ивановъ сказалъ людямъ: «Если вы не пойдете со мной, то я лягу на разстрѣлъ» и, выйдя на открытое и обстрѣливаемое мѣсто, дѣйствительно легъ на землю. Тогда командиръ этой роты подошелъ къ нему съ людьми, поднялъ и объявилъ, что рота пойдетъ за нимъ, куда угодно. Но, подойдя къ горѣ, они застали ее уже оставленной нами и сильно занятой японцами. Тогда капитанъ Ивановъ повелъ роту къ Дивизионной.

Мнѣ генераль Кондратенко поручилъ останавливать отступавшихъ и устраивать изъ нихъ резервъ для нашей слѣдующей оборонительной линіи, что я и пошелъ выполнять. Съ появленіемъ на Боковой и Трехголовой японцевъ, наша артилерія принялась осыпать эти вершины шрапнелью и въ одинъ мигъ очистила горы отъ желтыхъ околышей.

И это было во время, такъ какъ изъ траншей на Трехголовой японцы начали дѣйствовать во флангъ линіямъ на Панлуньшанѣ, и наша 11-я рота ужасно стала страдать отъ этого огня. На Панлуньшанѣ стало очень тяжело и, что въ этомъ случаѣ предпринять, являлось жгучимъ вопросомъ; для рѣшенія его генераль Кондратенко созвалъ всѣхъ начальниковъ къ себѣ на Дивизионную гору. Устроивши резервъ и поставивши его въ безопасномъ мѣстѣ, я также пріѣхалъ къ генералу.

Тутъ уже были полковникъ Ирманъ, полковникъ Зубовъ и другіе. Бой утихъ, и японцы не выказывали желанія двинуться дальше.

Наша артилерія замолчала, такъ какъ цѣль ея дѣйствій исчезла съ вершинъ и спряталась за ними въ гаолянѣ. Это было около 2 ч. дня.

На совѣщаніи рѣшили: прежде чѣмъ предпринимать что либо, сдѣлать осмотръ оставшихся за нами позицій на Панлуньшанѣ, и этотъ осмотръ генераль Кондратенко приказалъ сдѣлать мнѣ и полковнику Науменко. Мы немедля же поѣхали на Панлуньшань, съ котораго, подъ командой подпоручика Лобырева, отступала уже наша 11-я рота. На мой вопросъ: «Кто приказалъ отступать», онъ отвѣтилъ, капитанъ Катышевъ (командиръ 11-й роты; его ранили въ руку, и онъ ушелъ въ госпиталь); а приказалъ отступать потому, что въ траншеяхъ теперь держаться нельзя, такъ какъ

Трехголовая занята японцами». На это я сказалъ: «безъ приказанія высшаго начальства оставлять позиціи нельзя, возвращайтесь назадъ». Подпоручикъ Лобыревъ, очень храбрый и всегда спокойный офицеръ отвѣтивши. «Намъ все равно, мы вернемся», совершенно спокойно скомандовалъ: «рота кругомъ, на старыя мѣста, маршъ», и рота спокойно повернула и вошла въ свои окопы.

Осмотрѣвши расположеніе этихъ окоповъ, мы пришли къ заключенію, что въ нихъ дѣйствительно держаться нельзя, такъ какъ лѣвымъ флангомъ они упирались въ Трехголовую, и такихъ мѣстъ, которыя были бы укрыты отъ выстрѣловъ съ этой горы, почти не имѣлось.

Результаты осмотра доложили генералу Кондратенко, и онъ рѣшилъ очистить весь Панлуньшань до редутовъ противъ праваго фланга Дивизионной горы, что часовъ въ 7-мъ вечера и было исполнено. Между Панлуньшанемъ и Дивизионной горой была удобная для занятія гряда, и я тамъ раньше еще разбилъ и началъ большой люнетъ. Нужно было бы его занять отступившими съ Панлуньшаня ротами, но такъ какъ для дальнѣйшей работы на этой грядѣ у насъ не было инструмента, то эту хорошую мысль пришлось оставить безъ исполненія, и всѣ роты были съ Панлуньшаня сняты и поставлены въ резервъ за Дивизионной и Длинной горами. А охотничьи команды, всѣ три, были поставлены для отдыха между Высокой горой и фортомъ № 5.

Теперь я нахожу нужнымъ сообщить читателю, какъ шли дѣла на каждой изъ атакованныхъ горъ въ отдѣльности.

На Трехголовой.

Около 10 часовъ вечера 31-го іюля, посты, тѣснимые непріателемъ, начали отходить къ своимъ частямъ; при этомъ постъ № 1 1-й охотничьей команды былъ окруженъ непріателемъ; но онъ штыками пробился къ своимъ; два тяжело раненыхъ были имъ унесены съ собой, а также принесены двѣ непріятельскихъ винтовки. Въ 11 часовъ ночи японцы атаковали передовую гору, гдѣ находился 3-й взводъ 3-ей пѣшей охотн. команды въ 36 человекъ. Благодаря темнотѣ, непріатель окружилъ передовую гору со всѣхъ сторонъ. Взводный унтеръ-офицеръ Назаровъ, видя безвыходное положеніе, самъ атаковалъ непріателя; въ это время была пущена ракета, и стрѣлки на Трехголовой увидали непріателя и обсыпали его градомъ пуль; это обстоятельство помогло Назарову штыками

пробиться къ своимъ на Трехголовую. Занявъ Передовую, японцы ползли на Трехголовую, но были отбиты съ громадными потерями. Не прошло и получаса, какъ они опять съ крикомъ и визгомъ бросились на наши окопы съ праваго фланга, но запутались въ сѣтяхъ и почти всѣ были перебиты. Около 2-хъ часовъ ночи непріятель повторилъ атаку еще съ большей силой, и тутъ до окоповъ добралось только нѣсколько человекъ, которые не медля были переколоты нашими молодцами; темнота въ этомъ штурмѣ много помогла непріятелю, ракетъ больше не пускали, не хватило. Передъ утромъ, 1-го августа, пользуясь туманомъ и дождемъ, непріятель еще два раза пытался сбить нашихъ охотниковъ, но опять неудачно; при этомъ былъ раненъ заурядъ прапорщикъ Закржевскій, убитъ фельдфебель первой команды и ранено нѣсколько охотниковъ. Нельзя не отмѣтить особенно хорошихъ дѣйствій ефрейтора Вагина 3-й пѣшей охотничьей команды. Онъ со взводомъ, по своей инициативѣ, занялъ ничѣмъ не укрѣпленную гору и фланговымъ огнемъ поддерживалъ, какъ Трехголовую, такъ и Боковую и въ то же время отбивался отъ насѣдавшихъ на него японцевъ. Всѣ начальствующія лица изъ нижнихъ чиновъ вели себя героями, а одинъ изъ нихъ 1-й команды младшій унтеръ-офицеръ Загонжа Хайдулинъ (татаринъ), во время третьей атаки, когда не хватило патроновъ въ его взводѣ, выскочилъ на валъ и съ крикомъ «умремъ братцы за Царя и Вѣру православную», былъ готовъ бросится внизъ въ штыки; но тутъ принесли патроны, и японцы были отбиты огнемъ. Утромъ выяснилось, что японцы заняли Передовую, Сиротку, и горку передъ 12-й ротой на Панлунышанѣ, оттуда они открыли ружейный огонь, но пушки Барановскаго съ Боковой горы заставили ихъ спрятаться за горы.

Подпоручикъ Чулковъ, вслѣдствіе болѣзни (сильная дизентерія) былъ отправленъ въ госпиталь, и вмѣсто него прислали заурядъ прапорщика Иличевскаго. Въ ночь на 1-е августа, у командъ стало мало патроновъ, стрѣльба была прекращена. Непріятель, полагая, что наши бросили окопъ, хотѣлъ его занять; стрѣлки подпустили японцевъ къ самому почти окопу и нѣсколькими залпами уничтожили ихъ, осталось только: одинъ офицеръ и 5 чел. солдатъ, которые спрятались за камни. На разсвѣтѣ старшій унтеръ-офицеръ Василій Змушко замѣтилъ, что за камнями лежатъ не убитые, началъ наблюдать и какъ только офицеръ поднялъ голову, Змушко его застрѣлил. Солдаты, видя смерть офицера, бросились бѣжать, но всѣ были не медля застрѣлены.

Все мѣсто впереди окоповъ было усыяно трупами японцевъ. Утромъ 2-го августа люди 1-й охотничьей команды вышли изъ окоповъ, чтобъ почистить винтовки, которые отъ продолжительной стрѣльбы совершенно отказывались стрѣлять; мѣсто ихъ заняли стрѣлки 4-го запаснаго баталіона, но въ это время начался по окопамъ такой ужасный артилерійскій огонь, что занимающіе окопъ его не выдержали и начали отступать, люди команды, бросившіеся въ окопы уже не могли удержать отступающихъ и сами съ ними отступили за скаты позади лежащихъ высотъ, а оттуда, когда Трехголовая была занята японцами, пошли за Дивизионную гору.

Вновь прибывшія части въ помощь оставшимся въ живыхъ нашимъ на Боковой—рота 13-го полка, Ротайскаго, а на Трехголовой, 4-го запаснаго баталіона, терпя страшную убыль, не выдержали и стали отступать.

Полковникъ Ирманъ, подскакавши къ отступающимъ, заставилъ ихъ повернуть обратно, но японцы открыли такой страшный огонь изъ пулеметовъ и изъ винтовокъ, что наши повернули назадъ. Въ это время наша полевая артилерія такъ стала обсыпать шрапнелью взятая горы, что японцы спрятались и прекратили стрѣльбу по отступающимъ. Здѣсь считаю своимъ долгомъ упомянуть фамиліи двухъ нашихъ героевъ. Наши люди, повернутые полковникомъ Ирманомъ, полковникомъ Зубовымъ и капитаномъ генеральнаго штаба Юлшинымъ, понеся страшныя потери, опять повернули назадъ, но два удалца 5-го полка: ефрейторъ Романъ Трусовъ и охотникъ Петръ Молчановъ ворвались таки въ занятые японцами окопы, но видя, что ихъ двое, а японцевъ полный окопъ, повернули назадъ; но Молчановъ успѣлъ застрѣлить японскаго офицера. Оба они при отступленіи были ранены, но остались въ строю.

Здѣсь будетъ у мѣста сообщить и подробности обороны Боковой горы, хорошо сохранившіяся въ моей памяти.

На Боковой горѣ.

31-го іюля, въ 10 ч. вечера, секреты съ Боковой донесли, что 4-ре колонны, каждая въ 2 роты, идутъ на Боковую. Тотчасъ подпоручикомъ Андреевымъ были выставлены секреты къ сѣткамъ съ тѣмъ, чтобы предупредить его, когда непріятель будетъ спускаться съ противоположной отлогости къ сѣткамъ.

Въ 11 ч. секреты донесли, что японцы спускаются. Тотчасъ былъ открытъ огонь залпами и картечью изъ маленькихъ пушекъ

мичмана Дудкина, и японцы, понеся значительный уронъ, отошли за гору.

Въ 12 час. они опять атаковали гору, но также были отбиты, и, такимъ образомъ, до 5 ч. утра японцы атаковали гору 7 разъ и все неудачно.

Передъ сѣтками и на сѣткахъ они оставили груды тѣлъ. Во время третьей атаки было замѣчено, что колонна японцевъ въ двѣ роты обошла сѣтки съ праваго фланга.

Тотчасъ противъ обходящихъ былъ высланъ взводъ 2-й охотничьей команды, подъ начальствомъ младшаго унтеръ-офицера Носкова, и этотъ взводъ вмѣстѣ со стоящими на этомъ флангѣ орудіями Барановскаго, и двумя взводами 9-й роты, высланными съ Угловой, обратили обходящихъ въ бѣгство.

Когда разсвѣло, у сѣтокъ было насчитано 432 японскихъ трупа.

Въ 7 ч. утра половина окоповъ была разрушена артилеріей непріятеля, такъ что одинъ взводъ пришлось вывести и поставить на противоположномъ склонѣ горы.

Въ 9 час. 30 м. утра японцы прорвались черезъ сѣтку, взобрались до половины высоты горы, но были встрѣчены огнемъ изъ окоповъ—съ лѣваго фланга залпами взвода 2-й пѣшей охотничьей команды, а справа залпами моряковъ, подъ командой поручика Афанасьева, не выдержали и бросились назадъ. Въ 11 ч. дня подпоручикъ Андреевъ былъ раненъ, и командованіе горой принялъ младшій унтеръ-офицеръ Кобринецъ. На помощь командѣ былъ присланъ капитанъ Ротайскій, но окоповъ онъ не занялъ, а сталъ за ихъ лѣвымъ флангомъ; въ 12 ч. или около того гора была оставлена.

Днемъ 1-го августа непріятель сталъ подтягиваться за Передовую гору, ввиду этого просили резерва, но онъ не приходилъ, хотя по полученнымъ отвѣтамъ и было видно, что послали двѣ роты 4-го запаснаго баталіона.

Около полудни, когда 1-й и 2-й взводы 1-й команды были перебиты артилерійскимъ огнемъ, пришла полурота запаснаго баталіона, подъ командой подпоручика 27-го полка, которая и заняла правый окопъ; а на ночь была выслана еще одна полурота съ фельдфебелемъ, которому было приказано занять сѣдловинку между Трехголовой и горкой лѣвѣе ея. Все съ день 1-го августа прошелъ въ перестрѣлкѣ, а ночью съ 1-го на 2-е августа непріятель дважды пытался атаковать, но только одинъ разъ успѣлъ дойти до сѣтокъ, отъ которыхъ убѣжало не больше какъ $\frac{1}{3}$ всѣхъ атакующихъ.

Съ передовыхъ позицій мы отступили, но зато стали значительно сильнѣе на Дивизионной, Длинной и Угловой горахъ, вслѣдствіе образовавшагося у насъ собственнаго резерва.

Въ виду вѣроятной атаки на эти горы, пришлось усиленно на нихъ работать, тѣмъ болѣе, что Длинная была укрѣплена очень слабо. Окопы были мелки и не усовершенствованы, почва—чистая скала.

Вотъ, еслибы эти окопы были заранѣе подготовлены, было-бы совершенно другое дѣло, и сколько жизней было бы сохранено и сколько атакъ отбито. Въ крѣпости всегда нужно подготавливать позиціи къ оборонѣ еще въ мирное время, это можно дѣлать во время маневровъ крѣпостныхъ полковъ.

Дѣло на Трехголовой горѣ обошлось намъ сравнительно дорого. Охотничьи команды 5-го полка потеряли больше половины своего состава—160 чел. и 1 офицера—подпоручика Андрева; двѣ морскія роты человѣкъ по 30 каждая; остальные части: роты 13-го полка и 4-й запасный баталіонъ потеряли 15 проц. своего состава. На Панлуньшанѣ 11-я и 12-я роты 5-го полка потерпѣли немного, но зато у нихъ выбыло изъ строя 3 офицера: капитанъ Катышевъ раненъ, и убиты: подпоручикъ Меркульевъ и прапорщикъ запаса Мухинъ.

Ж. Третьяковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

